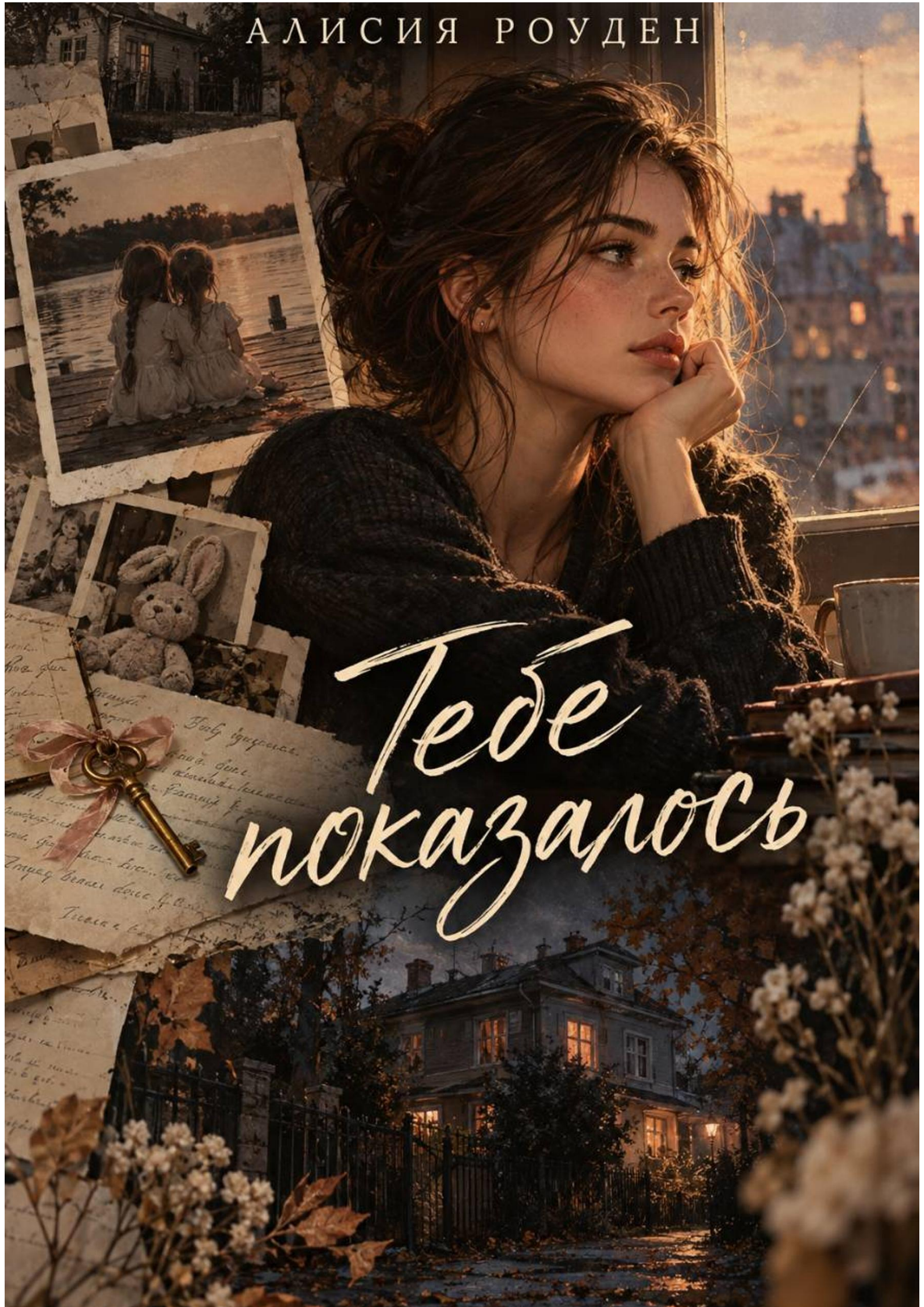


АЛИСИЯ РОУДЕН

Тебе
показалось



А. Роуден

Тебе показалось

«Автор»

2026

Роуден А.

Тебе показалось / А. Роуден — «Автор», 2026

Иногда самые страшные тайны хранят не чужие люди, а те, кто любит нас больше всех. После смерти отца Вера Крылова возвращается в город своего детства и обнаруживает, что почти вся её жизнь построена на недосказанности. Письма, старые фотографии, медицинские документы и чужие воспоминания складываются в историю, которую семья пыталась похоронить много лет назад. Оказывается, у Веры была сестра, которую объявили умершей. Кто знал правду? Почему близкие предпочли молчание? И можно ли доверять собственной памяти, если самые дорогие люди годами убеждали тебя, что всё это лишь выдумка? В поисках ответов Вере предстоит столкнуться с предательством, страхом и любовью, которая порой причиняет боль сильнее ненависти. Но чем ближе она подбирается к прошлому, тем яснее понимает: не каждую тайну можно раскрыть до конца, и не всякая правда способна всё исправить. Ведь если тебе всю жизнь говорили, что тебе показалось, как понять, чему верить — чужим словам или собственному сердцу?

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава первая. Люди, которые меня знали	5
Глава вторая. Папка с чужим почерком	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тебе показалось

Глава

Глава первая. Люди, которые меня знали

Вера приехала на похороны отца в четверг, хотя он умер в понедельник.

Не потому, что не могла раньше. Просто в понедельник она не поверила женщине из морга, во вторник искала билеты, в среду сидела на вокзале в чужом городе с остывшим кофе и думала, что если поезд отменят, это будет означать, что ехать не нужно.

Поезд не отменили.

Вокзал встретил её мокрым снегом, запахом дешёвой выпечки и голосом женщины из динамика, которая с одинаковым равнодушием объявляла прибытие электрички и просила не оставлять вещи без присмотра. Вера стояла у выхода с чемоданом, в котором лежали две чёрные кофты, джинсы, зарядка, косметичка и пакет с лекарствами, и никак не могла вспомнить, зачем взяла с собой вторую пару обуви.

Она вообще плохо соображала последние дни.

Люди говорили ей правильные слова. «Держись». «Он прожил долгую жизнь». «Главное, что не мучился». Последнее особенно раздражало, потому что никто из них не знал, мучился ли он. Даже она не знала. Последние три года они разговаривали по телефону раз в две недели, иногда чаще, если отец звонил первым и спрашивал, почему она давно не приезжала.

Она отвечала, что работа.

Он говорил:

— Ну да. Работа.

И в этих двух словах помещалось столько неодобрения, будто она не работала, а совершала что-то постыдное.

Вера не могла вспомнить, когда именно их разговоры стали такими. Возможно, они всегда такими были, просто раньше она не замечала. В детстве взрослые голоса казались устройством мира: если отец сердился, значит, было за что; если мать вздыхала, значит, она устала; если за столом становилось тихо, значит, Вера опять что-то сделала не так.

Только во взрослом возрасте она начала подозревать, что тишина иногда возникает вовсе не по её вине.

Телефон завибрировал в кармане.

Мама.

Вера смотрела на имя несколько секунд, пока звонок не прекратился. Через минуту пришло сообщение:

Ты где? Люди уже собираются. Не заставляй меня ещё и за тобой бегать.

Она прочитала его дважды.

Потом убрала телефон и пошла к стоянке такси.

Мать не написала, что рада, что Вера приехала. Не спросила, добралась ли она. Не спросила, ела ли сегодня.

Впрочем, Вера тоже не написала, что ей страшно возвращаться домой.

Они обе умели обходиться без слов. Просто каждая считала, что именно другая должна наконец научиться говорить нормально.

Город почти не изменился.

Это было первое, что Вера заметила, когда такси выехало с вокзальной площади. Те же пятиэтажки, те же остановки с облупившейся краской, тот же магазин у перекрёстка, где в

детстве продавали самые вкусные горячие сосиски в тесте. Только вывеска стала новой, яркой, с английским названием, которое ничего не говорило о том, что внутри по-прежнему продают хлеб, молоко и хозяйственное мыло.

Водитель включил радио. Из динамиков негромко звучала песня о любви, в которой мужчина обещал женщине, что никогда её не оставит.

— На похороны? — спросил он, заметив чёрную одежду на заднем сиденье.

Вера посмотрела на него в зеркало.

— Да.

— Кого хороните?

Она могла соврать. Сказать «дядю», «знакового», назвать кого-нибудь, чья смерть не имела к ней отношения. Но зачем-то ответила:

— Отца.

Водитель кивнул. Больше ничего не спросил, за что Вера была ему благодарна.

На светофоре он остановился рядом с автобусом. За запотевшим стеклом сидела девочка лет десяти, прижав к груди букет белых хризантем. Она смотрела в окно, и лицо у неё было такое серьёзное, словно ей уже объяснили, что некоторые вещи нужно переживать молча, чтобы не создавать другим лишних проблем.

Вера отвернулась.

Она вдруг вспомнила, как в одиннадцать лет разбила мамину любимую чашку. Не нарочно: потянулась за сахарницей, задела локтем блюдце, чашка упала и раскололась на три крупных куса. Мать стояла у плиты и даже не обернулась на звук.

— Не реви, — сказала она. — Ты же не маленькая.

Вера тогда не плакала. Она собрала осколки, порезала палец и долго прятала кровь от матери, потому что боялась, что та разозлится ещё сильнее.

Через несколько дней отец принёс домой новую чашку. Почти такую же, только рисунок был другой.

— Маме не говори, — сказал он. — Пусть думает, что старая.

Вера помнила, как обрадовалась. Не чашке — тому, что они с отцом оказались на одной стороне.

Теперь она подумала: а на чьей стороне он был на самом деле?

Может быть, на её. Может быть, просто не хотел очередного скандала. А может быть, ему нравилось быть хорошим отцом в маленьких тайных эпизодах, не вмешиваясь в то, что происходило каждый день.

Удобно быть спасителем, если не приходится ничего спасать по-настоящему.

Эта мысль показалась ей несправедливой. Она почти рассердилась на себя за неё.

Отец умер четыре дня назад.

Можно было хотя бы сегодня не судить его.

Мать стояла у подъезда в тёмном пальто, с застёгнутым до подбородка воротником. Рядом курила соседка тётя Люба — женщина, которая знала обо всех событиях в доме раньше самих участников и всегда подавала это как случайное совпадение.

Увидев Веру, мать посмотрела сначала на неё, потом на чемодан.

— Ты что, с вещами приехала?

— Мам, я на два дня.

— Я не спрашиваю, на сколько. Я спрашиваю, зачем чемодан тащить на похороны.

Вера могла бы ответить, что не собирается приезжать на похороны с пустыми руками, что у неё нет другого места, что билет обратно уже куплен. Но она знала: любой ответ превратится в новый вопрос, а затем — в замечание, которое придётся проглотить или оспаривать.

— В машине оставить не получилось, — сказала она.

— Конечно.

Тётя Люба затушила сигарету о металлическую урну.

— Верочка, здравствуй. Господи, как же ты на отца похожа стала.

Вера улыбнулась.

— Здравствуйте.

— Прямо его лицо. Особенно когда молчишь.

Мать посмотрела на соседку с одобрением, словно та сказала что-то очень точное.

— Пойдём, — произнесла она. — Нам ещё переодеться надо.

Вера подняла чемодан по ступенькам. На втором этаже пахло кошачьим кормом, жареным луком и влажными куртками. На стене кто-то написал маркером номер телефона и слово «МАСТЕР», а поверх него другой человек вывел крупными буквами: «НЕ ЗВОНИТЕ, МОШЕННИК».

Она задержала взгляд на надписи.

— Ты идёшь? — спросила мать сверху.

— Иду.

В квартире всё осталось на своих местах.

В прихожей стояли отцовские ботинки. Старые, с потёртыми носами, аккуратно поставленные рядом с тумбочкой. На крючке висела его куртка, из кармана которой торчал уголок сложенного чека. Вера почему-то решила, что чек нужно достать, пока его не потеряли, и тут же разозлилась на себя: отец умер, а она думает о бумажке.

На кухне лежала газета. На столе стояла сахарница с отколотым краем. У окна — тот самый стул, на котором отец любил сидеть, поджав одну ногу. Он всегда говорил, что так удобнее, хотя мать каждый раз замечала, что нормальные люди на стульях так не сидят.

Вера провела пальцем по спинке стула.

Ей захотелось сесть напротив и рассказать отцу всё, что она не успела рассказать за последние годы. Не потому, что у неё были какие-то важные тайны. Просто накопилось слишком много обычного: что на работе её повысили, что она больше не живёт с Андреем, что иногда ей бывает так одиноко, что она включает телевизор, даже когда не собирается его смотреть.

Она хотела рассказать ему, что в тридцать четыре года всё ещё иногда покупает те самые сосиски в тесте, если приезжает в родной город. Что до сих пор помнит номер телефона их старой квартиры, хотя он давно отключён. Что ей хочется позвонить ему и спросить, как включить котёл, хотя в квартире, где она теперь живёт, вообще нет котла.

Но отца не было.

А мать уже открывала шкаф и доставала чёрное платье.

— Вот, надень. Твоё, кажется, мало.

— Я привезла своё.

— И что? Ты в этом собираешься идти?

Вера посмотрела на платье. Оно было из плотной ткани, с высоким воротником и маленькими пуговицами на спине. Когда-то мать купила его для собственного юбилея, но потом решила, что оно её полнит, и отдала дочери. Вера надевала его один раз — на выпускной вечер, когда мать сказала, что оно выглядит приличнее того, что Вера хотела купить сама.

— Мам, я привезла чёрное платье.

— Ты всегда всё знаешь лучше.

Вот оно.

Не упрёк даже, а привычный дверной звонок. Стоило ему прозвучать, и Вера снова становилась девочкой, которая должна была объяснить, почему выбрала не ту чашку, не ту одежду, не тот университет, не того мужчину.

— Хорошо, — сказала она. — Надену это.

Мать удовлетворённо повесила платье на дверь шкафа.

— И расчешись нормально. Ты выглядишь уставшей.

Вера посмотрела на себя в зеркало.

Она действительно выглядела уставшей.

Только почему-то от этого замечания ей захотелось заплакать сильнее, чем от сообщения о смерти отца.

На кладбище было холодно, хотя снег почти растаял.

Люди стояли тесной группой возле открытой могилы, переминаясь с ноги на ногу. Кто-то тихо разговаривал, кто-то смотрел на часы, кто-то поправлял шарфы детям. Вера узнавала лица с задержкой: сосед отца, с которым тот иногда играл в шахматы; бывший коллега, которого она помнила ещё с детства; женщина из бухгалтерии, которая на её выпускном сказала, что у неё красивые глаза.

Все они знали её.

И все смотрели на неё с выражением, которое она не могла правильно истолковать.

Сочувствие? Любопытство? Оценка?

Может быть, ей просто казалось, что люди смотрят слишком внимательно, потому что сама она не знала, куда деть глаза.

— Держись, Верочка, — сказала какая-то женщина, сжимая её ладонь. — Отец тебя очень любил.

Вера кивнула.

— Он часто о тебе рассказывал, — добавила женщина.

Это было странно слышать. В последние годы отец почти никогда не говорил о ней при ней. Если Вера спрашивала, как у него дела, он рассказывал о соседях, ценах, погоде, ремонте дороги и новом председателе товарищества. О себе — мало. О ней — ещё меньше.

— Правда? — спросила она.

Женщина словно не ожидала уточнения.

— Ну конечно. Ты же дочь.

Она отпустила руку Веры и отошла к другим людям.

Ты же дочь.

Эти слова всю жизнь служили универсальным объяснением. Почему нужно приехать, даже если нет сил. Почему нужно позвонить, даже если разговор закончится ссорой. Почему нужно простить то, что в другом человеке не простила бы. Почему чужая обида важнее твоей собственной.

Вера посмотрела на мать. Та стояла возле гроба, сжав губы, и не плакала.

Она никогда не плакала на людях.

Вера вдруг подумала, что мать, вероятно, переживает сильнее неё. Они прожили вместе больше сорока лет, и даже самые несчастливые браки не исчезают бесследно. Возможно, мать сейчас вспоминала их первую квартиру, молодого отца с густыми волосами, летние поездки на озеро, рождение дочери. Возможно, она вспоминала, как они ругались, как не разговаривали неделями, как однажды отец ночевал у друга, а потом вернулся с букетом хризантем, хотя мать терпеть их не могла.

Возможно, любовь между ними была. Просто Вера видела только то, что доставалось ей.

Она попыталась представить отца молодым мужчиной, который однажды встретил девушку, влюбился в неё, сделал предложение. Мужчиной, у которого были собственные мечты, собственные страхи, собственные причины остаться в браке, который со стороны казался несчастливым.

Но воображение упрямо возвращало его к кухонному столу, газетам и фразе «ну да, работа».

Священник произнёс последние слова.

Люди задвигались. Кто-то заплакал. Кто-то опустил голову. Мать наконец закрыла лицо ладонями.

Вера стояла неподвижно.

Она не чувствовала ничего похожего на горе. Только усталость, холод в пальцах и странное, почти постыдное облегчение оттого, что больше не нужно ждать отцовского звонка.

Она могла уехать, когда захочет.

Могла не приезжать на следующие выходные.

Могла не объяснять, почему занята.

И тут же ей стало стыдно, словно отец всё ещё стоял рядом и слышал её мысли.

— Ты чего такая? — тихо спросила мать.

Вера повернулась.

— Какая?

— Как будто чужого человека похоронила.

Вера открыла рот, но не нашла слов.

Мать отвела взгляд.

— Ладно. Не сейчас.

Это «не сейчас» преследовало Веру всю жизнь. Оно означало, что разговор откладывается до времени, когда о нём уже невозможно будет говорить без скандала. Когда все успокоятся. Когда никто не вспомнит, с чего всё началось. Когда виноватой снова окажется она, потому что именно она первой перестала молчать.

Вера посмотрела на могилу.

И впервые за четыре дня подумала не о том, что отец умер.

Она подумала о том, что теперь уже никогда не узнает, каким человеком он был на самом деле.

После кладбища все поехали домой.

На кухне быстро стало тесно. Кто-то принёс салаты, кто-то расставил тарелки, кто-то включил чайник. Люди говорили негромко, словно смерть была не событием, а больным человеком, которому нельзя мешать отдыхать в соседней комнате.

Вера сидела на краю дивана и слушала.

Отец был замечательным человеком.

Отец всегда всем помогал.

Отец никогда не отказывал.

Отец очень любил семью.

Каждая фраза была правдой. По крайней мере, никто не произносил её с намерением солгать.

Вера помнила, как отец бесплатно чинил соседям розетки, как отвозил пожилую женщину в больницу, как несколько месяцев помогал коллеге, у которого заболела жена. Помнила, как он приносил домой продукты для чужих детей, когда их мать осталась без работы.

Он умел быть хорошим.

Иногда Вера задавалась вопросом, почему дома это получалось у него хуже.

— А Вера у нас молодец, — произнесла тётя Люба, усаживаясь рядом. — Вся в отца. Тоже самостоятельная. Всего сама добилась.

Вера улыбнулась.

— Да ничего особенного.

— Как это ничего? Город большой, работа хорошая. Квартира своя, наверное?

— Съёмная.

— Ну, это пока. Главное, что без мужа не пропадёшь.

Кто-то за столом усмехнулся.

Вера не сразу поняла, что разговор касается её развода.

— А Андрей как? — спросила тётя Люба. — Не приехал?

— Нет.

— Ну и правильно, наверное. После такого не каждый захочет показываться.

— После какого? — спросила Вера.

Тётя Люба замолчала.

Мать, стоявшая у стола с тарелкой в руках, резко повернулась.

— Вера.

Одно слово. Предупреждение.

Но Вера уже не могла остановиться.

— Что значит «после такого»?

— Да ничего я не имею в виду, — засуетилась тётя Люба. — Просто вы же разошлись некрасиво. Все знают.

Вера почувствовала, как у неё холодеют ладони.

— Что именно все знают?

Тётя Люба посмотрела на мать, будто искала помощи.

Мать поставила тарелку на стол.

— Не устраивай сцену на поминках.

— Я не устраиваю сцену. Я спрашиваю, что все знают.

— Вера, хватит.

И вот тогда Вера поняла: мать знает.

Не обязательно всё. Не обязательно правду. Но достаточно, чтобы бояться этого разговора.

Тётя Люба поднялась с дивана.

— Ладно, пойду чай налью.

Она ушла на кухню, и разговор постепенно возобновился. Кто-то заговорил о погоде, кто-то попросил передать хлеб. Люди удивительно быстро умеют возвращаться к обычной жизни, когда чужая боль становится неудобной.

Вера сидела, сцепив пальцы.

Она не собиралась спрашивать Андрея о разводе. Не сегодня. Не после похорон. И вообще, их брак закончился два года назад. Она давно решила, что не будет возвращаться к нему, не станет выяснять, кто был прав, кто виноват, кто первый перестал любить.

Но теперь ей хотелось знать, какую именно версию её жизни обсуждали люди, которые когда-то приходили к ним в гости и ели с их тарелок.

— Пойдём, — сказала мать, появившись в дверях. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Вера поднялась.

Они прошли в спальню отца. Здесь было прохладнее, чем в остальных комнатах. На кровати лежал аккуратно сложенный плед, на тумбочке стояла бутылка воды, а возле окна — письменный стол, заваленный бумагами.

Мать закрыла дверь.

— Ты не должна была сегодня об этом спрашивать.

— О чём?

— Об Андрее.

— Я спросила тётю Любу, что она имеет в виду.

— Ты прекрасно понимаешь, что она имела в виду.

— Нет, мама. Не понимаю. Объясни мне.

Мать долго смотрела на неё.

Потом подошла к столу и выдвинула нижний ящик.

— Отец просил отдать это тебе.

Она достала плотную коричневую папку. На обложке не было надписи, только след от старой наклейки. Мать держала её обеими руками, словно папка была тяжелее, чем могла показаться.

— Что там?

— Не знаю.

— Ты не смотрела?

— Нет.

Вера протянула руку, но мать не сразу отпустила папку.

— Только обещай, что не станешь делать выводы, пока всё не прочитаешь.

Вера удивлённо посмотрела на неё.

— Почему ты думаешь, что я стану?

— Потому что ты всегда так делаешь.

Вера хотела возразить. Сказать, что мать всю жизнь приписывала ей мысли, которых у неё не было, а потом обижалась на собственные выводы. Что именно мать научила её сомневаться в себе, потому что любое несогласие превращалось в доказательство неблагодарности.

Но она промолчала.

Мать отпустила папку.

— Он велел отдать тебе после похорон. Сказал, что ты сама поймёшь.

— Когда он это сказал?

— Незадолго до смерти.

Вера прижала папку к груди.

— Он знал, что умирает?

— Не знаю.

— Мам.

— Я сказала, не знаю!

Голос матери сорвался. Она отвернулась к окну и несколько секунд стояла неподвижно.

— Он в последние месяцы вообще мало со мной разговаривал, — добавила она уже тише.

— Иногда мне казалось, что он ждёт чего-то. Или кого-то. Я спрашивала, что случилось, а он отвечал, что всё нормально.

Вера посмотрела на отцовский стол.

На нём лежали ручки, блокнот, очки в тонкой металлической оправе. Всё было разложено аккуратно, почти педантично.

— Почему ты раньше не сказала?

Мать усмехнулась без улыбки.

— А ты бы приехала?

Вера не ответила.

Вопрос был несправедливым.

И именно поэтому попал в цель.

Вечером, когда гости разошлись, Вера закрылась в своей старой комнате.

Здесь до сих пор стоял письменный стол с выдвижным ящиком, который заедал, и книжная полка, где вперемишку лежали школьные учебники, старые романы и фотографии. На стене остался светлый прямоугольник от плаката, который она сняла перед переездом. Отец тогда сказал, что не понимает, зачем вешать на стену лицо незнакомого человека. Вера ответила, что это актёр. Отец сказал, что от этого ситуация не становится понятнее.

Она села на кровать и положила папку рядом.

Несколько минут смотрела на неё, не решаясь открыть.

Потом сняла резинку.

Внутри лежали документы, копии электронных писем, распечатанные сообщения и несколько конвертов. Бумаги были рассортированы по датам. Некоторые страницы отец пометил карандашом, но ничего не подписал.

Вера взяла первый лист.

Это было письмо, отправленное ей семь лет назад.

Она сразу узнала собственный адрес электронной почты, которым давно не пользовалась, и отцовское имя в строке отправителя.

Тема письма была короткой:

«Нужно поговорить».

Вера не помнила этого письма.

Она прочитала дату. Потом ещё раз.

Семь лет назад. За несколько месяцев до того, как она познакомилась с Андреем.

Текст занимал всего несколько строк.

Вер, я не знаю, как тебе это объяснить. Наверное, надо было сказать раньше. Я всё думал, что будет подходящий момент, но теперь понимаю, что его не будет.

Ниже шло ещё несколько предложений, но отец не дописал их. Вместо этого он поставил многоточие и закончил:

«Если захочешь узнать правду, приезжай. Только не говори маме, что я тебе написал».

Вера перечитала письмо.

Потом проверила дату ещё раз.

Она помнила тот год. Помнила, как собиралась приехать на майские праздники, но осталась в городе из-за работы. Помнила, что отец звонил несколько раз, а потом перестал. Помнила, что через месяц мать сказала: «Твой отец обиделся, что ты не приехала. Ну, ты же знаешь его».

Она тогда решила, что отец снова пытается заставить её чувствовать себя виноватой.

И не приехала летом.

Не приехала осенью.

На Новый год они поговорили по телефону пять минут, после чего отец сказал, что ему нужно идти, хотя Вера слышала на заднем плане телевизор и понимала, что он просто не хочет продолжать разговор.

Она положила письмо на кровать и взяла следующий лист.

Это была распечатка сообщения, отправленного с неизвестного номера. Дата — на три недели позже первого письма.

«Она ничего не знает. И не должна узнать от тебя».

Ниже, другим почерком, отец написал:

«Я обещал».

Вера почувствовала, как внутри что-то медленно сжимается.

Она перевернула лист.

На обратной стороне стояла дата, сделанная карандашом, и два слова, написанные так сильно, что грифель продавил бумагу:

«Я виноват».

Вера отложила лист и провела ладонью по лицу.

Ей хотелось позвонить матери. Разбудить её, если она уже легла. Потребовать объяснений. Но она знала, что мать скажет: «Не сейчас», «Ты всё неправильно поняла», «Отец не любил выносить сор из избы».

И, возможно, будет права.

Пока Вера не знала ничего.

Только то, что отец семь лет назад пытался ей что-то рассказать, а она не приехала.

И то, что мать, по всей видимости, знала об этом письме.

Она посмотрела на папку.

Внизу лежал ещё один конверт, без марки и адреса. На нём было написано её имя.

Не «Вере».

Не «Дочери».

Просто:

«Вера».

Почерк был отцовский.

Вера вскрыла конверт.

Внутри оказался один лист.

Верочка.

Если ты читаешь это, значит, я уже не смогу объяснить тебе всё сам. Я очень хотел сделать это при жизни, но каждый раз находил причину отложить разговор. Мне казалось, что я защищаю тебя. Возможно, я просто защищал себя.

Ты всю жизнь думала, что я всегда был на твоей стороне. Я позволял тебе так думать, потому что мне нравилось быть для тебя хорошим отцом.

Но есть одна вещь, которую ты должна знать.

Дальше шла пустая строка.

Потом — ещё одна.

А ниже, уже другим нажимом, отец написал:

«Твоя мать не единственный человек в этой семье, который умеет лгать из любви».

Вера долго смотрела на последнюю фразу.

За стеной что-то упало. Мать прошла по коридору, открыла воду на кухне, закрыла кран. Обычные звуки обычного вечера.

Вера снова прочитала письмо.

Она думала о матери, о тёте Любе, об Андрее, о людях, которые сегодня говорили, что отец был замечательным человеком. Думала о том, что у каждого из них есть своя версия прошлого, и ни одна не обязана совпадать с её собственной.

Потом она посмотрела на часы.

Было без двадцати двенадцать.

Вера открыла телефон и нашла номер, который не набирала почти два года.

Андрей ответил после четвёртого гудка.

— Да?

Она молчала.

— Алло?

— Это я.

На другом конце стало тихо.

— Вера?

— Да.

Он не спросил, как она. Не выразил соболезнований. Не сказал, что рад её слышать.

Он просто произнёс:

— Ты нашла папку?

Вера перестала дышать.

Несколько секунд она не могла выговорить ни слова.

Потом посмотрела на раскрытые письма, на отцовский почерк, на пустое место в конце последней страницы.

— Откуда ты знаешь про папку? — спросила она.

Андрей вздохнул.

Не удивлённо.

Не испуганно.

Так вздыхают люди, которые долго ждали неизбежного и всё равно надеялись, что оно не случится.

— Потому что, Вер, — сказал он, — именно из-за этой папки мы с тобой и развелись.

И отключился.

Вера перезвонила через одиннадцать секунд.

Андрей не ответил.

Она набрала ещё раз. Потом третий. На четвёртый звонок включилась голосовая почта, и Вера услышала собственное дыхание в трубке, прежде чем сбросить вызов.

«Именно из-за этой папки мы с тобой и развелись».

Она повторила фразу про себя, медленно, словно пыталась обнаружить в ней ошибку.

Они развелись из-за другой женщины.

Во всяком случае, так она думала последние два года.

Всё было довольно просто, даже если тогда ей казалось, что мир разваливается. Вера нашла в телефоне Андрея переписку с какой-то Кристиной. Не случайную переписку, не пару сообщений, которые можно объяснить рабочими вопросами, а длинную, привычную близость двух людей, давно привыкших друг к другу. Там были фотографии завтраков, жалобы на начальство, обсуждение фильма, который они собирались посмотреть вместе, и одна фраза, которую Вера помнила до сих пор:

«Иногда мне кажется, что я живу с человеком, который давно меня не любит, но слишком порядочный, чтобы уйти».

Андрей ответил:

«Ты не представляешь, как это — каждый день чувствовать себя виноватым просто за то, что хочешь чего-то другого».

Тогда Вера не стала читать дальше. Ей хватило.

Она не устроила скандал, не разбила посуду, не позвонила Кристине. Просто дождалась вечера, положила телефон на кухонный стол и сказала:

— Я всё знаю.

Андрей посмотрел на экран. Потом на неё.

— Что именно?

Вера до сих пор помнила это спокойствие. Её бесило не то, что он мог ей изменять. Её бесило, что он оставлял ей возможность ошибиться. Заставлял произнести обвинение вслух, словно только тогда оно приобретало право на существование.

— Не надо, — сказала она.

— Вер, я спрашиваю.

— А я говорю, не надо.

Он сел. Сложил руки на столе. И вдруг показался ей совершенно чужим человеком — не потому, что она обнаружила в нём что-то новое, а потому, что впервые посмотрела на него без привычного объяснения, почему он поступает именно так.

Они разговаривали почти до утра.

Андрей не отрицал, что был близок с Кристиной. Но утверждал, что между ними ничего не было. Что он не спал с ней. Что переписка началась задолго до того, как Вера её обнаружила, и что он собирался рассказать обо всём сам.

Вера спросила, когда.

Он ответил:

— Не знаю.

— Когда ты собирался уйти от меня?

— Я не собирался уходить.

— Тогда чего ты хотел?

Андрей долго молчал.

— Чтобы хоть кто-нибудь меня спросил, как я себя чувствую.

Вера рассмеялась.

Она помнила этот смех: короткий, некрасивый, почти чужой. Андрей поднял глаза, и на секунду ей показалось, что он сейчас скажет что-то, что всё изменит. Но он лишь отвёл взгляд.

Через месяц они разъехались.

Ещё через два подали на развод.

Кристина исчезла из его жизни или, по крайней мере, из той её части, которую Вера могла видеть. Андрей не пытался вернуть жену. Вера не пыталась его удержать.

Всё закончилось настолько тихо, что иногда ей казалось: никакого брака не было, а были только семь лет, которые они по какой-то причине провели в одной квартире.

И теперь он утверждал, что всё это время она не знала главного.

Вера снова посмотрела на отцовское письмо.

«Твоя мать не единственный человек в этой семье, который умеет лгать из любви».

Она перевернула страницу, хотя уже знала, что на обратной стороне ничего нет.

Потом взяла телефон и написала Андрею:

Завтра. Встретимся. Ты мне всё объяснишь.

Ответ пришёл почти сразу.

Хорошо.

Ни вопроса, ни возражения, ни попытки отложить разговор.

Будто он ждал этого сообщения два года.

Утром мать жарила яичницу.

Вера проснулась поздно, с тяжёлой головой и ощущением, что всю ночь не спала, хотя несколько часов всё-таки провалилась в сон. Ей снилось, что она идёт по длинному коридору, а за каждой дверью сидит кто-то из знакомых и рассказывает о ней историю. Она открывала двери одну за другой, но ни разу не услышала собственного голоса.

На кухне мать стояла спиной к ней. На плите шипело масло, за окном дворник скрёб лопатой по асфальту.

— Будешь? — спросила мать, не оборачиваясь.

— Нет, спасибо.

— Кофе?

— Буду.

Мать достала вторую чашку.

Они молчали, пока кофемашина гудела и плевалась горячей водой. Вера смотрела на материнские руки. За последние годы они стали тоньше, кожа на костяшках потемнела, а на запястьях появилось несколько коричневых пятен. В детстве Вера думала, что родители стареют только тогда, когда дети не смотрят. Отвернулся — и вот уже у отца седые волосы, у матери морщины возле губ, а в шкафу вместо красивых платьев висят тёмные кофты.

— Ты вчера разговаривала с Андреем? — спросила мать.

Вера подняла глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он мне звонил.

— Когда?

— Вчера вечером.

— До того, как я ему позвонила?

Мать выключила плиту.

— Да.

Вера медленно поставила чашку на стол.

— И что он хотел?

— Спросил, приехала ли ты.

— Зачем?

— Откуда я знаю?

— Ты сказала, что я приехала?

— Конечно, сказала. А что мне было делать? Врать?

Последнее слово повисло между ними.

Вера подумала, что мать, вероятно, сама услышала, как оно прозвучало. Но та уже повернулась к сковороде и начала перекладывать яичницу на тарелку.

— Он просил тебя позвать? — спросила Вера.

— Нет.

— О чём вы говорили?

— Ни о чём.

— Мам.

— Вера, ну что ты начинаешь с утра? У меня вчера был муж в гробу, если ты забыла. Мне не до ваших с Андреем разборок.

Вера сжала губы.

Это было несправедливо. И мать знала, что несправедливо. Но сейчас она могла произнести что угодно, потому что смерть отца стала последним аргументом, против которого невозможно возражать, не выглядя бессердечной.

Вера отвернулась к окну.

— Я сегодня с ним встречусь.

— Не надо.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера медленно повернула голову.

— Почему?

Мать поставила тарелку на стол и села напротив.

— Потому что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Ты даже не знаешь, о чём мы будем говорить.

— Знаю.

— Откуда?

Мать посмотрела на неё усталым взглядом.

— Потому что знаю тебя. Ты сейчас найдёшь что-нибудь, зацепишься за это, начнёшь копать, пока не разрушишь всё, что ещё осталось.

Вера почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение.

— Что именно я разрушу?

Мать не ответила.

— Что, мам? Что осталось?

— Семья, Вера.

Она произнесла это так, будто семья была хрупким предметом, который дочь держала в руках и всё время норовила уронить.

— Папа умер, — сказала Вера. — Какая семья?

Мать побледнела.

Вера сразу пожалела о сказанном, но не извинилась. Ей надоело извиняться раньше, чем она успевала понять, виновата ли.

— Вот поэтому я и не хочу, чтобы ты никуда лезла, — тихо произнесла мать. — Ты всегда думаешь, что если узнаешь правду, тебе станет легче.

— А разве нет?

Мать посмотрела на неё.

— Иногда правда ничего не меняет. Только забирает у тебя последнее хорошее воспоминание.

Она встала, отнесла тарелку к раковине и включила воду.

Вера осталась сидеть за столом.

Впервые за долгое время ей захотелось обнять мать. Не потому, что та была права, и не потому, что Вера собиралась простить её заранее. Просто она вдруг увидела в ней не человека,

который всю жизнь требовал от дочери удобства, а женщину, которая, возможно, тоже боялась остаться один на один со своей памятью.

Но Вера не встала.

Вместо этого она спросила:

— Ты знаешь, что в папке?

Вода перестала шуметь.

Мать стояла к ней спиной.

— Нет.

Ответ прозвучал ровно.

Слишком ровно.

Вера посмотрела на её отражение в тёмном окне и поняла, что впервые в жизни не может решить, что означает материнское молчание.

Раньше всё было проще. Если мать молчала, значит, обиделась. Если повышала голос, значит, считала Веру неправой. Если вздыхала, значит, ждала, что дочь сама догадается, что нужно сделать.

Теперь у молчания появилось другое значение.

Мать могла бояться.

И Вера не знала, чего именно.

Андрей выбрал кафе, в котором они никогда не бывали вместе.

Вера заметила это сразу, хотя сама не могла объяснить, почему такая мелочь показалась ей важной. Маленькое заведение на первом этаже нового жилого дома, светлые стены, искусственные растения, столики у окна. За соседним столом молодая пара обсуждала ремонт. Мужчина что-то показывал в телефоне, женщина качала головой и улыбалась. Они выглядели так, словно ещё верили, что любую проблему можно решить, если достаточно долго разговаривать.

Андрей сидел у окна.

Он почти не изменился. Разве что стал полнее в лице и начал носить очки, которых раньше стеснялся. На нём был серый свитер, волосы коротко подстрижены. Когда Вера подошла, он поднялся.

— Привет.

— Привет.

Они не обнялись.

Вера сняла пальто, повесила его на спинку стула и села напротив. Андрей подвинул к ней меню, хотя она ничего не собиралась заказывать.

— Кофе будешь?

— Я уже выпила.

— Хорошо.

Он убрал меню.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Вера вдруг поняла, что совершенно не знает, с чего начать. За два года она тысячу раз представляла их случайную встречу. В этих воображаемых разговорах она всегда была спокойной, уверенной, почти равнодушной. Андрей пытался оправдаться, она слушала, а потом говорила что-нибудь точное и окончательное, после чего уходила, не оглядываясь.

В реальности он сидел напротив и выглядел человеком, который не собирается ни оправдываться, ни просить прощения.

— Рассказывай, — сказала Вера.

Андрей провёл пальцем по краю чашки.

— Ты прочитала письмо?

— Какое именно?

— То, которое отец оставил тебе.

— Да.

— И что ты думаешь?

Вера усмехнулась.

— Ты серьёзно? Ты позвонил мне ночью, сказал, что мы развелись из-за этой папки, а теперь спрашиваешь, что я думаю?

— Я не говорил, что мы развелись только из-за неё.

— А из-за чего ещё?

Андрей посмотрел в окно.

— Из-за нас.

Вера почувствовала, как напряглась спина.

— Не надо.

— Чего?

— Не надо делать вид, что мы расстались по каким-то глубоким, философским причинам. У тебя была другая женщина. Ты годами обсуждал с ней нашу жизнь, а мне говорил, что устал на работе. Я узнала, мы развелись. Всё.

— Ты действительно так считаешь?

— А как мне ещё считать?

Он помолчал.

— Ты никогда не спросила, почему я не ушёл раньше.

— Я спросила. Ты ответил, что не знаешь.

— Я соврал.

Вера посмотрела на него внимательнее.

Вот оно. Первое признание. Небольшое, почти незначительное, но от него почему-то стало холодно.

— Почему?

Андрей снял очки и потёр переносицу.

— Потому что обещал твоему отцу.

Вера не сразу поняла смысл сказанного.

— Что обещал?

— Не рассказывать тебе.

— О чём?

Он снова надел очки.

— О том, что произошло семь лет назад.

Вера медленно выпрямилась.

За соседним столиком женщина засмеялась. Молодой человек придвинул к ней чашку, что-то сказал, и они снова склонились над телефоном.

Обычная жизнь продолжалась в нескольких метрах от неё.

— Семь лет назад, — повторила Вера. — Мы тогда даже не были женаты.

— Я знаю.

— Мы только познакомились.

— Да.

— И что могло произойти семь лет назад такого, что ты обещал моему отцу молчать?

Андрей посмотрел на неё так, словно выбирал между несколькими ответами и ни один не считал правильным.

— Ты помнишь, почему мы вообще познакомились?

Вера нахмурилась.

— Конечно.

— Расскажи.

— Андрей, не испытывай моё терпение.

— Я не испытываю. Просто расскажи, как ты это помнишь.
Она откинулась на спинку стула.

— Я пришла на день рождения к Лене. Ты был её коллегой. Мы разговорились на кухне. Потом ты проводил меня домой, мы обменялись номерами. Через неделю встретились. Что не так?

Андрей опустил глаза.

— Ничего. В твоей версии всё именно так.

— А в твоей?

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Твой отец попросил меня с тобой познакомиться.

Вера сначала решила, что ослышалась.

— Что?

— За несколько недель до того дня рождения.

— Зачем?

— Он сказал, что ты переживаешь непростой период. Что тебе нужен кто-то надёжный. Что ты никому не доверяешь и не умеешь просить о помощи.

Вера смотрела на него, не моргая.

— И ты согласился?

— Да.

— То есть ты познакомился со мной, потому что мой отец тебя попросил?

— Сначала — да.

Она почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— А потом?

Андрей поднял глаза.

— Потом я в тебя влюбился.

Вера рассмеялась, но смех получился коротким и злым.

— Господи. Это настолько отвратительно, что я даже не знаю, что сказать.

— Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь. Ты семь лет был со мной, спал со мной, жил со мной, собирался заводить детей — и всё это время знал, что мы познакомились не случайно?

— Я не собирался заводить детей, — тихо сказал Андрей. — Мы оба не были к этому готовы.

— Не смей сейчас цепляться к словам.

— Хорошо.

Он снова замолчал.

Вера смотрела на него и пыталась совместить два образа. Мужчину, который когда-то приносил ей кофе в постель и помнил, какой стороной она любит лежать к стене. И незнакомца, который согласился познакомиться с ней по просьбе её отца.

— Зачем? — спросила она.

— Я уже сказал. Он беспокоился о тебе.

— Нет. Зачем ты согласился?

Андрей провёл ладонью по волосам.

— Потому что он помог мне.

— Чем?

— Моя мать тогда лежала в больнице. Нужны были деньги на операцию. У меня их не было.

Вера почувствовала, что разговор перестаёт подчиняться привычной логике.

— Папа дал тебе деньги?

— Да.

— Сколько?

— Двести тысяч.

Она знала, что у отца были накопления. Он много лет работал, почти ничего не покупал для себя, откладывал на ремонт, на машину, на случай болезни. Но двести тысяч семь лет назад были для их семьи серьёзной суммой.

— Он дал тебе такие деньги просто так?

— Не просто так. Я обещал вернуть.

— Вернул?

— Да.

Вера отвела взгляд.

Ей хотелось найти в этой истории что-то простое, что-то, что позволило бы немедленно осудить Андрея и уйти. Но он не выглядел человеком, который заманил её в ловушку ради денег. Он выглядел человеком, который однажды принял помощь, согласился на небольшую ложь, а потом не нашёл в себе смелости признаться, когда ложь перестала быть небольшой.

— Значит, я была твоим долгом? — спросила она.

Андрей вздрогнул.

— Нет.

— Не надо. Ответь честно.

— В самом начале я чувствовал, что обязан твоему отцу. Да. Но я не притворялся, когда мы были вместе. Я любил тебя.

— А Кристину?

Он закрыл глаза.

— Я не спал с ней.

— Я не об этом спрашиваю.

— Я знаю.

Вера почувствовала, что ей становится трудно дышать. Она расстегнула верхнюю пуговицу блузки, хотя в кафе было прохладно.

— Ты любил меня, — повторила она. — Но при этом считал, что должен оставаться со мной из-за обещания моему отцу.

— Сначала я думал, что должен помочь тебе. Потом понял, что не могу уйти, потому что ты останешься одна. А потом...

— Что потом?

Андрей долго смотрел на свои руки.

— Потом я понял, что это уже не про тебя. Это про меня. Мне нравилось думать, что я хороший человек. Что я могу терпеть, могу жертвовать собой, могу сделать для тебя то, чего не сделал никто другой.

Вера почувствовала странный укол узнавания.

Она слышала похожие слова раньше.

Не от Андрея. От отца.

«Я для вас всю жизнь стараюсь, а вы даже спасибо сказать не можете».

«Я мог бы жить по-другому, но мне семья важнее».

«Когда-нибудь ты поймёшь, сколько я для тебя сделал».

Она посмотрела на Андрея.

— Ты ведь не любил меня так, как я тебя.

Он не стал возражать.

— Не знаю, как это измерить, Вер.

— Очень удобно.

— Я не пытаюсь оправдаться.

— А что ты делаешь?

Андрей поднял голову.

— Пытаюсь впервые сказать тебе правду.

Вера отвернулась.

За окном женщина в красной куртке пыталась раскрыть зонт. Ветер выворачивал его наизнанку, и она сердито дёргала за спицы, не замечая, что мужчина рядом уже протягивает ей руку.

Вера смотрела на них и думала о том, как часто люди помогают друг другу не потому, что их просят, а потому, что им необходимо почувствовать себя нужными. И как трудно отличить настоящую заботу от желания навсегда остаться человеком, без которого другой не справится.

— Что произошло семь лет назад? — спросила она.

Андрей не ответил сразу.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и положил на стол.

— Это письмо твоего отца. Он прислал его мне накануне вашей свадьбы.

Вера не прикоснулась к листу.

— Почему оно у тебя?

— Потому что я не знал, что с ним делать.

— Ты мог отдать его мне.

— Мог.

— Мог рассказать всё семь лет назад.

— Мог.

— Мог хотя бы не делать из меня идиотку.

Андрей опустил голову.

— Да.

Это было хуже любых оправданий.

Потому что он не спорил. Не пытался доказать, что она всё преувеличивает. Не говорил, что она сама виновата. Он просто соглашался с каждым обвинением, и от этого Вера чувствовала себя так, словно бьёт человека, который даже не пытается защититься.

Она взяла письмо.

Бумага была пожелтевшей по краям, сложенной вчетверо. На конверте стояла дата, а внутри лежало несколько строк, написанных отцовской рукой.

Андрей.

Я понимаю, что ты привязался к ней. Я не собираюсь вмешиваться в ваши отношения и не прошу тебя оставаться рядом с Верой против твоей воли.

Но ты должен понимать, что она не знает всей правды о том, что случилось в нашей семье. И если ты действительно её любишь, тебе придётся однажды решить, что для неё важнее: узнать правду или сохранить то, во что она верит.

Я не могу принять это решение за неё.

Ты обещал мне, что не расскажешь ей до тех пор, пока я сам не буду готов.

Я прошу тебя сдержать обещание.

Вера прочитала письмо ещё раз.

Внизу стояла подпись отца.

Она положила лист на стол.

— Что он имел в виду?

Андрей покачал головой.

— Я не знаю всей истории.

— Но что-то знаешь.

— Да.

— Что?

Он посмотрел на неё.

— Знаю, что твой отец не был твоим биологическим отцом.

Вера не сразу поняла слова.

Они словно прозвучали на другом языке, смысл которого ей предстояло перевести.

— Что?

— Вер...

— Что ты сказал?

— Он тебя вырастил. Он был твоим отцом во всём, что имеет значение. Но биологически...

— Замолчи.

Андрей замолчал.

Вера сидела неподвижно. Она слышала музыку, кофемашину, чужие голоса. Где-то за стеной смеялись дети. На улице проехал автобус, и его тормоза протяжно зашипели у остановки.

Всё это происходило в мире, который продолжал существовать, хотя только что кто-то взял её жизнь и разделил на две части.

До.

После.

Она вдруг вспомнила старую фотографию, которую видела в детстве. На ней мать стояла возле моря, молодая, смеющаяся, в светлом платье. Рядом был незнакомый мужчина, которого отец назвал её двоюродным братом. Вера тогда спросила, почему у него такие же глаза, как у неё.

Отец ответил:

«У всех людей иногда бывают похожие глаза».

Она вспомнила, как мать вырвала фотографию у неё из рук и сказала, чтобы она не лезла в чужие вещи.

Вспомнила, как однажды, лет в четырнадцать, спросила, почему у отца нет ни одной фотографии из его детства. Он ответил, что все снимки потерялись при переезде.

Вспомнила, как в двадцать лет решила сдать анализ ДНК просто из любопытства, но так и не заказала набор, потому что отец сказал, что подобные вещи нужны только тем, кто не доверяет собственной семье.

Тогда она рассмеялась и ответила, что просто хочет узнать, откуда пошли её странные способности к языкам.

Отец ничего не сказал.

Теперь Вера смотрела на Андрея и понимала, что эти воспоминания никогда не были связаны между собой. Она сама связывала их сейчас, пытаясь построить историю, которая объяснила бы происходящее.

— Ты знал это до того, как мы поженились? — спросила она.

— Да.

— И всё равно женился на мне?

Андрей нахмурился.

— При чём здесь это?

— При том, что ты знал о моей жизни то, чего не знала я сама!

— Я не хотел причинять тебе боль.

— Не хотел причинять боль? — Вера услышала, как повысился её голос, и заставила себя говорить тише. — Ты решил за меня, что мне можно знать, а что нельзя. Ты решил, что я не справлюсь с правдой. Ты решил, что можешь семь лет смотреть мне в глаза и молчать. И всё это время называл это любовью?

Андрей не ответил.

Вера встала, взяла пальто и сумку.

— Подожди, — сказал он.

— Нет.

— Вера, пожалуйста. Есть ещё кое-что.

Она остановилась.

И ненавидела себя за то, что остановилась.

— Что?

Андрей посмотрел на неё с выражением, которого она никогда прежде не видела. Не страх, не вина, не сожаление.

Скорее, беспомощность.

— Я думаю, твой отец хотел рассказать тебе правду не только о том, кто твой настоящий отец.

Вера медленно опустила сумку.

— А о чём ещё?

Андрей помолчал.

— О том, почему твоя мать осталась с ним.

Она не ответила.

Потому что в эту секунду впервые за весь разговор подумала не о себе.

Она подумала о матери.

О женщине, которая сорок лет прожила с человеком, которого, возможно, никогда не любила так, как он хотел. О женщине, которая запрещала дочери задавать вопросы, потому что сама не могла ответить на них. О женщине, которая вчера стояла у открытой могилы и не плакала.

И Вера вдруг поняла, что боится узнать правду не потому, что она может разрушить её представление об отце.

А потому, что в этой правде мать могла оказаться не жертвой.

И не виновницей.

А просто человеком, который однажды сделал выбор и всю жизнь пытался убедить себя, что другого выбора у него не было.

Вера медленно надела пальто.

— Я хочу знать всё, — сказала она.

Андрей кивнул.

— Тогда тебе нужно поговорить с человеком, который был рядом с твоей матерью до того, как появился твой отец.

— С кем?

Он назвал имя.

И Вера поняла, почему никогда не видела этого человека на семейных фотографиях.

Потому что мать всю жизнь утверждала, что он умер.

Андрей посмотрел на неё и добавил:

— Только, Вер, если он согласится с тобой встретиться, не спрашивай его сразу, кто твой отец.

— Почему?

— Потому что он может сказать тебе правду.

Он выдержал паузу.

— А может — ту правду, которую твоя мать всю жизнь пыталась скрыть.

Вера вышла из кафе, не попрощавшись.

На улице шёл мелкий дождь. Она остановилась под козырьком, достала телефон и открыла контакты.

Имя, которое назвал Андрей, она помнила.

Не потому, что когда-то встречала этого человека.

А потому, что оно было написано на обороте той самой фотографии, которую мать вырвала у неё из рук много лет назад.

Имя было простым.

Сергей.

Ни фамилии, ни отчества Вера не помнила. Только имя, написанное на обороте фотографии синими чернилами, и короткую приписку, которую она тогда не успела прочитать до конца: «Сентябрь. До того, как...»

Мать забрала снимок так быстро, что Вера даже не поняла, на что именно та разозлилась. На вопрос? На фотографию? На то, что дочь заметила сходство между собой и незнакомым мужчиной?

Теперь ей казалось, что она помнит всё. Как мать побледнела. Как отец, услышав шум, вышел из комнаты и молча забрал фотографию у жены. Как они потом разговаривали на кухне, думая, что Вера спит.

Тогда она не разобрала слов. Только услышала отцовский голос:

— Мы же договорились.

И материнский ответ:

— Я ничего не делала.

Много лет она считала, что речь шла о какой-то обычной семейной ссоре. Взрослые ссорились часто, а дети редко понимали причины. Вера вообще была уверена, что главное в детстве — научиться не попадаться под горячую руку и вовремя угадывать настроение родителей.

Она открыла браузер и набрала имя.

Первым появился мужчина из другого города, врач-стоматолог. Вторым — страница какого-то строительного магазина. Третьим — фотография пожилого человека на фоне рыбацкой лодки.

Вера увеличила снимок.

Седые волосы, глубокие морщины, широкое лицо. Никакого сходства с мужчиной на старой фотографии, которую она помнила. Или сходство было, но теперь его трудно было разглядеть.

Она закрыла страницу.

Ей было тридцать четыре года. У неё была работа, банковский счёт, несколько близких знакомых, привычка покупать один и тот же кофе по дороге в офис и раздражаться, когда люди опаздывали. Она умела заполнять сложные документы, разговаривать с начальством, оплачивать счета, выбирать лекарства для больной кошки соседки, если та просила.

Она считала себя взрослым человеком.

Но сейчас стояла под козырьком кафе и пыталась вспомнить, кто был рядом с её матерью до того, как появился отец.

И впервые в жизни ей хотелось, чтобы кто-нибудь просто сказал ей, что всё это какая-то нелепая ошибка.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Андрея:

Я не знаю, где он сейчас. Последний раз видел его лет пять назад. Но твой отец общался с ним до самой смерти.

Вера напечатала:

Почему ты раньше ничего не сказал?

Ответ пришёл не сразу.

Потому что боялся, что ты спросишь, откуда я всё это знаю.

Она убрала телефон.

Вот что было самым отвратительным в этой истории: никто не собирался причинять ей боль. По крайней мере, никто не признавался себе в таком намерении. Все боялись, что она задаст вопросы. Все хотели уберечь её от правды. И каждый раз, когда выбирали молчание, убеждали себя, что поступают правильно.

Вера поймала такси и назвала адрес родительского дома.

Ей нужно было вернуться к папке.

Возможно, там было ещё что-то.

Возможно, она просто искала предмет, который можно было взять в руки, пока всё остальное в её жизни теряло привычные очертания.

Мать спала.

Во всяком случае, так показалось Вере, когда она заглянула в спальню. На кровати лежало аккуратно сложенное одеяло, на тумбочке стоял стакан воды. В квартире было тихо.

Вера сняла пальто и прошла в свою комнату.

Папка лежала там, где она её оставила.

Она высыпала содержимое на кровать и начала раскладывать бумаги по датам. Письмо отца, распечатки сообщений, несколько квитанций, копия какого-то заявления. Часть документов была сложена в отдельный прозрачный файл.

Вера достала его.

На первом листе стояло название районной больницы. Ниже — фамилия матери, дата и несколько строк медицинского заключения. Бумага была старой, пожелтевшей, с заломом посередине.

Она прочитала дату.

Тридцать пять лет назад.

Вера тогда ещё не родилась.

Документ был связан с беременностью. Срок, указанный в заключении, не совпадал с датой её рождения так, как она ожидала. Она перечитала цифры, проверила месяц, потом снова посмотрела на фамилию.

Это могла быть ошибка.

Старые документы часто содержали ошибки. Врачи могли записать не ту дату, архив мог перепутать листы, а отец мог хранить чужую бумагу по какой-то причине, которую она пока не понимала.

Она положила заключение рядом с письмом.

Под ним обнаружилась фотография.

Та самая.

Вера взяла её осторожно, будто снимок мог рассыпаться от прикосновения.

Мать стояла на берегу моря, молодая и красивая, в белом платье с короткими рукавами. Рядом — высокий мужчина с тёмными волосами и широкими плечами. Он обнимал её за талию, а она смотрела на него так, как Вера никогда не видела, чтобы она смотрела на отца.

Не с благодарностью.

Не с привычной нежностью человека, который много лет живёт рядом.

На фотографии мать была счастлива.

Вера перевернула снимок.

На обороте действительно было написано:

«Сентябрь. До того, как всё изменилось».

Ниже — имя.

Сергей.

А ещё ниже, почти у самого края, стояла дата.

Вера долго смотрела на неё.

Потом достала телефон, открыла календарь и начала считать.

Девять месяцев до её рождения.

Она не знала, что почувствовала в этот момент. Ревность? Злость? Стыд за то, что вообще испытывает ревность к собственной матери? Ей вдруг захотелось узнать, любила ли мать этого мужчину. Был ли он первым. Была ли она, Вера, случайностью, последствием чужого решения, попыткой удержать человека, который уже собирался уйти.

Она понимала, насколько это жестоко по отношению к себе самой.

Но мысли не спрашивали разрешения.

Вера положила фотографию на кровать и продолжила разбирать бумаги.

В самом низу папки лежал тонкий конверт, заклеенный по краям прозрачным скотчем. На нём не было имени. Только дата, написанная отцовской рукой.

Двенадцать лет назад.

Она открыла конверт.

Внутри оказался лист бумаги, сложенный вдвое, и маленькая записка.

«Если она когда-нибудь спросит, покажи ей это. Но не раньше».

Вера развернула большой лист.

Это была копия заявления об установлении отцовства. Фамилия мужчины в документе была другой.

Не Сергея.

Не её отца.

Вера перечитала её несколько раз, но не могла понять, почему документ оказался в папке. В нём говорилось о другом ребёнке, родившемся в том же году, что и она. Внизу стояли подписи, печать и дата, которая совпадала с периодом, когда её мать была беременна.

На полях отец написал:

«Она не знает, что я знаю».

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она услышала шаги в коридоре.

Мать остановилась у двери.

— Что ты делаешь?

Вера подняла голову.

Мать смотрела не на неё, а на бумаги, разложенные по кровати.

На фотографию.

На медицинское заключение.

На заявление.

И впервые за всё время Вера увидела на её лице не раздражение и не усталость.

Страх.

— Мам, — сказала она. — Кто такой Сергей?

Мать не ответила.

— Кто этот мужчина на фотографии?

Тишина.

Вера поднялась с кровати.

— Я хочу знать, кто мой отец.

Мать медленно закрыла дверь.

— Твой отец умер вчера, — сказала она.

— Мой отец умер четыре дня назад.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Мать посмотрела на неё, и Вера вдруг поняла, что та не собирается лгать. По крайней мере, сейчас.

Она собиралась сделать что-то хуже.

Сказать правду так, чтобы Вера пожалела, что спросила.

— Ты хочешь знать, кто твой отец? — переспросила мать.

— Да.

— А если я скажу, что это ничего не изменит?

— Тогда я сама решу, изменит или нет.

Мать усмехнулась. Устало, почти ласково.

— Ты всегда была такой.

— Какой?

— Уверенной, что имеешь право на ответы.

Вера почувствовала, как внутри поднимается злость. Не громкая, не взрывная, а холодная, от которой слова вдруг становятся особенно чёткими.

— А у меня нет такого права?

— Есть.

Мать произнесла это неожиданно спокойно.

Она прошла к столу, придвинула стул и села. Несколько секунд смотрела на собственные руки, словно впервые заметила, как сильно они постарели.

— Только ты должна понимать одну вещь, — сказала она. — Правда не возвращает тебе того, чего у тебя не было.

Вера осталась стоять.

— Что именно у меня не было?

Мать подняла голову.

— Другого детства. Другого отца. Другой матери. Ты можешь узнать все подробности, можешь найти этого Сергея, можешь спросить у него, любил ли он меня, хотел ли я от него ребёнка, почему он не остался. Но ты не сможешь прожить свою жизнь заново.

— Я и не собираюсь.

— Собираешься, Верочка. Только пока сама этого не понимаешь.

Вера отвернулась.

Ей хотелось сказать, что мать не имеет права рассуждать о её жизни после всего, что скрывала. Но в голосе матери было что-то, мешавшее произнести эту фразу. Не раскаяние. Скорее, усталость человека, который слишком долго удерживал закрытую дверь и теперь не знает, что делать, если её всё-таки откроют.

— Ты любила его? — спросила Вера.

Мать долго не отвечала.

— Да.

Одно слово.

Без оправданий, без попытки смягчить смысл.

Вера почувствовала, что ей стало трудно стоять.

— Тогда почему ты вышла за папу?

Мать закрыла глаза.

— Потому что Сергей ушёл.

— Почему?

— Потому что был молодым. Потому что испугался. Потому что не хотел ребёнка. Выбери любую причину, какая тебе больше нравится. Я не знаю, какая из них была настоящей.

— Ты пыталась его найти?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

Вера смотрела на мать и пыталась представить, что та чувствовала, когда поняла, что осталась одна. Была ли она в отчаянии? Злилась ли на Сергея? Надеялась ли, что он вер-

нётся? Или просто однажды проснулась утром и решила, что жизнь продолжается, даже если ты больше не понимаешь, ради чего?

— А папа? — спросила Вера. — Он знал, что я не его дочь?

Мать открыла глаза.

— Он знал.

— С самого начала?

— Да.

Вера медленно опустилась на край кровати.

— И всё равно женился на тебе?

— Да.

— Почему?

Мать посмотрела на фотографию.

— Потому что любил меня.

Вера хотела возразить, но не смогла.

Она вспомнила, как отец приносил домой продукты для чужих детей, как помогал соседям, как чинил розетки, как отдавал деньги человеку, которого едва знал. Возможно, он действительно был таким. Человеком, который любил помогать, потому что не умел иначе показывать любовь.

Но что, если за этим скрывалось ещё что-то?

Что, если ему было важно не только быть нужным, но и однажды получить за это право решать за других?

— Он никогда не упрекал меня, — сказала мать. — Ни разу. Даже когда мы ругались, даже когда я говорила ему, что не люблю его так, как он хочет. Он никогда не говорил, что я ему что-то должна.

Вера подняла глаза.

— А ты чувствовала, что должна?

Мать улыбнулась.

— Каждый день.

Она произнесла это так просто, что Вера не сразу поняла смысл.

— Он спас меня, Верочка. В тот момент, когда я думала, что у меня ничего не осталось. Он не спрашивал, люблю ли я его. Не требовал объяснений. Просто сказал, что мы справимся.

— И ты осталась с ним из благодарности?

— Сначала.

Мать помолчала.

— Потом родилась ты. Потом появились другие заботы, работа, квартира, болезни, школа. Жизнь ведь не спрашивает, любишь ты человека или нет. Она просто идёт. А ты однажды обнаруживаешь, что прошло двадцать лет и ты уже не помнишь, когда в последний раз задавала себе этот вопрос.

Вера смотрела на неё.

Впервые мать рассказывала о своей жизни не как о списке жертв, которые принесла ради семьи, а как о чём-то, что случилось с ней самой.

И Вера вдруг подумала, что, возможно, всю жизнь ненавидела в матери именно то, что боялась однажды стать похожей на неё.

Женщиной, которая остаётся, потому что уходить слишком поздно.

Женщиной, которая говорит «всё нормально», потому что не знает, что ещё можно сказать.

Женщиной, которая однажды перестаёт отличать собственное желание от чужой потребности.

— А любила ты папу? — спросила Вера.

Мать долго молчала.

— Я старалась.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

За окном проехала машина. В соседней квартире кто-то включил воду. Жизнь продолжалась, не замечая, что в одной из комнат две женщины пытались договориться о том, кем они были друг другу все эти годы.

Вера посмотрела на фотографию.

— Я хочу найти Сергея.

Мать не удивилась.

— Я знаю.

— Ты знаешь, где он?

— Нет.

— Он жив?

Мать отвела взгляд.

И этого оказалось достаточно.

Вера поднялась.

— Ты знаешь, что он жив.

— Я не уверена.

— Мам.

— Я сказала, что не уверена!

Вера вздрогнула.

Мать тоже.

Они замолчали.

Потом мать медленно встала, подошла к дочери и впервые за много лет сама взяла её за руку.

— Послушай меня, — сказала она. — Ты можешь искать его. Можешь задавать вопросы. Я не стану тебя останавливать. Но не делай из него человека, которого тебе не хватало всю жизнь.

Вера посмотрела на материнскую руку.

Тонкие пальцы, холодная кожа, знакомый запах крема, который мать покупала в аптеке.

— Почему?

— Потому что он не был рядом, когда ты болела. Не сидел с тобой ночами, когда ты боялась темноты. Не учил тебя кататься на велосипеде. Не ждал тебя после школы. Не ругался с тобой из-за оценок. Не переживал, когда ты уехала. Он не знает, какая ты.

Мать сжала её пальцы.

— Он знает только ту девочку, которую когда-то оставил.

Вера почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она не знала, что ответить. Потому что мать была права. Как бы ни хотелось найти в прошлом человека, который объяснил бы всё происходящее, никакая встреча не могла вернуть ей отца, которого она только что потеряла.

Но она всё равно хотела узнать.

Не потому, что надеялась обрести новую семью.

А потому, что больше не могла жить с ощущением, будто её собственная жизнь началась с чужого решения, о котором ей забыли сообщить.

— Я не ищу другого отца, — сказала она. — Я пытаюсь понять, что со мной произошло.

Мать отпустила её руку.

— Иногда это одно и то же.

Она вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Вера осталась одна.

На кровати лежала фотография, рядом с ней — старое медицинское заключение и письмо, написанное человеком, которого она называла отцом всю свою жизнь.

Она взяла фотографию и перевернула её ещё раз.

«Сентябрь. До того, как всё изменилось».

Вера провела пальцем по выцветшим буквам.

И впервые подумала, что, возможно, вся её жизнь началась не с рождения.

А с того момента, когда двое взрослых людей решили, что она никогда не должна узнать правду.

Глава вторая. Папка с чужим почерком

Вера не спала до четырёх утра.

Она лежала на боку, лицом к стене, и слушала, как мать ходит по квартире. Иногда скрипели половицы, иногда открывалась дверца шкафа, один раз звякнула посуда. Около двух часов ночи включился телевизор, но почти сразу выключился. Потом всё стихло.

Вера знала эти звуки с детства. Мать никогда не могла уснуть, если её что-то тревожило. Она начинала заниматься бессмысленными делами: протирала уже чистые поверхности, перекладывала вещи, проверяла замки. Вера слышала это и раньше, но никогда не думала, что таким образом мать разговаривает сама с собой.

Когда-то, лет в шестнадцать, она вышла ночью на кухню за водой и увидела, как мать стоит у раковины и плачет. Не всхлипывает, не закрывает лицо руками — просто стоит, опустив голову, а слёзы падают в пустую раковину.

Вера тогда испугалась.

— Мам?

Мать резко обернулась, вытерла лицо полотенцем и сказала:

— Иди спать. У меня лук в глаза попал.

Никакого лука на кухне не было.

Но Вера ушла.

Она часто вспоминала тот случай в последующие годы и каждый раз убеждала себя, что тогда была слишком маленькой, чтобы вмешиваться. Что взрослые имеют право на свои тайны. Что не нужно лезть в чужую жизнь, даже если эта жизнь принадлежит твоей матери.

Теперь она думала, что, возможно, именно так и начинаются семейные тайны. Не с больших преступлений и не с клятв молчать до смерти. Просто один человек однажды не задаёт вопрос, другой радуется, что его не задали, а потом оба привыкают к тому, что некоторые вещи лучше оставлять без названия.

В половине пятого Вера встала, накинула кофту и пошла на кухню.

Мать сидела за столом в халате. Перед ней стояла чашка с остывшим чаем и лежал раскрытый альбом с фотографиями.

Она не заметила Веру сразу.

На открытой странице были снимки, сделанные, кажется, в начале девяностых. Молодой отец возле старой «Волги». Мать с короткими волосами и огромными серьгами. Вера в коляске, завернутая в одеяло. На одном из снимков отец держал её на руках, а мать стояла рядом и смотрела куда-то в сторону.

Вера остановилась в дверях.

— Ты почему не спишь?

Мать подняла голову.

— Не хочется.

— Мне тоже.

Она села напротив.

Некоторое время они молчали.

Вера смотрела на фотографии. Ей хотелось спросить, любила ли мать отца в тот момент, когда их снимали. Была ли она счастлива, когда родилась Вера. Думала ли когда-нибудь о том, что могло бы произойти, если бы Сергей не ушёл.

Но она знала, что не получит ответов на все вопросы сразу. А некоторые ответы, возможно, вообще не существуют в том виде, в каком их хочется услышать.

— Ты помнишь, как папа учил меня кататься на велосипеде? — спросила она.

Мать удивлённо посмотрела на неё.

— Конечно.

— Он тогда весь день бегал за мной по двору. Я всё время падала, а он говорил, что нужно просто отпустить руль и не бояться.

Мать улыбнулась.

— Ты ему потом колено разбила.

— Я?

— Не ты. Он. Сам споткнулся о бордюр, когда пытался тебя поймать. Потом неделю ходил с синяком и говорил, что это производственная травма.

Вера тоже улыбнулась.

На секунду ей стало легче.

Вот он, отец. Не чужой мужчина на старой фотографии, не человек, который хранил письма и скрывал документы, а тот, кто бежал рядом с маленькой девочкой и падал вместе с ней. Человек, который однажды принёс домой новую чашку, чтобы она не боялась признаться в разбитой старой.

Её отец.

Или, по крайней мере, человек, который им был.

— Мам, — тихо сказала Вера. — Я не собираюсь переставать считать его папой.

Мать закрыла альбом.

— Я знаю.

— Даже если он не был моим биологическим отцом.

— Я знаю, Верочка.

— Но я хочу понять, почему вы мне не сказали.

Мать посмотрела на чашку.

— Мы думали, что так будет лучше.

— Для кого?

Она не ответила.

Вера почувствовала знакомое раздражение, но на этот раз не стала повышать голос.

— Ты ведь понимаешь, что молчание тоже было решением? Вы оба решили за меня. Вы могли сказать мне правду, когда я была маленькой, когда выросла, когда вышла замуж. Но вы молчали. И теперь я должна разбираться во всём после его смерти.

Мать провела ладонью по обложке альбома.

— Ты думаешь, мы не понимали этого?

— Не знаю.

— Я каждый год думала, что надо тебе рассказать. Иногда даже начинала. Потом смотрела на тебя и не могла.

— Почему?

Мать подняла глаза.

— Потому что ты была счастлива.

Вера хотела возразить, что счастье не бывает настолько хрупким, чтобы его можно было разрушить одним признанием. Но не стала.

Она вспомнила себя в двадцать лет. Потом в двадцать пять. Вспомнила, как звонила отцу перед важными собеседованиями, как рассказывала ему о первой серьёзной работе, как он радовался, когда она купила собственную машину. Она вспомнила, как он однажды сказал, что гордится ею, и как долго после этого ходила с ощущением, будто наконец сделала что-то правильно.

Если бы тогда она узнала правду, что изменилось бы?

Может быть, ничего.

А может быть, она начала бы сомневаться в каждом воспоминании, искать в каждом жесте скрытый смысл и спрашивать себя, почему человек, который не был обязан её любить, всё-таки любил.

— А ты была счастлива? — спросила Вера.

Мать долго смотрела на неё.

— Иногда.

Это был самый честный ответ, который Вера слышала от неё за много лет.

— А папа?

— Он любил тебя. По-настоящему. Иногда мне казалось, что даже больше, чем меня.

Вера опустила глаза.

— Тогда почему он не рассказал мне сам?

Мать покачала головой.

— Потому что боялся.

— Чего?

— Что ты перестанешь его любить.

Вера усмехнулась, но без злости.

— Он мог хотя бы дать мне возможность решить самой.

— Да.

Мать произнесла это тихо, почти шёпотом.

Вера посмотрела на неё.

Впервые мать не пыталась объяснить, почему они поступили правильно. Не говорила, что дочь не понимает жизни. Не напоминала о том, сколько родители для неё сделали.

Она просто признала, что они могли ошибаться.

И от этого Вере стало ещё больнее.

Потому что теперь нельзя было просто разозлиться и уйти. Теперь приходилось видеть в матери человека, который тоже когда-то был молодым, испуганным и не знал, как поступить.

— Я хочу посмотреть остальные документы, — сказала Вера.

Мать кивнула.

— Смотри.

— Ты не будешь меня останавливать?

— Нет.

Она закрыла альбом и поднялась.

— Только, пожалуйста, не забывай, что отец любил тебя.

Вера проводила её взглядом.

— Я не забываю.

Мать остановилась в дверях.

— И ещё, Верочка...

— Что?

Она словно хотела что-то сказать, но передумала.

— Ничего. Иди поспи, если сможешь.

Когда мать ушла, Вера ещё долго сидела на кухне.

Она думала о том, что любовь, возможно, не всегда спасает людей от ошибок. Иногда именно любовь становится причиной, по которой они совершают поступки, о которых потом жалеют всю жизнь.

И, наверное, самое трудное — признать, что человек мог любить тебя всем сердцем и всё равно причинить тебе боль.

В шесть утра Вера снова открыла папку.

На этот раз она решила не читать документы подряд. Если отец собирал их в течение многих лет, значит, между ними была какая-то связь. Он не был человеком, который хранил

случайные бумажки. Даже чеки из магазина он складывал в коробку, а потом раз в месяц разбирал и выбрасывал.

Вера помнила, как в детстве он заставлял её записывать расходы на школьные завтраки. Она тогда злилась, считала его жадным и мечтала вырасти, чтобы покупать всё, что захочется, не отчитываясь ни перед кем.

Теперь она понимала, что отец просто боялся оказаться в ситуации, когда денег не хватит.

Возможно, именно поэтому он помогал другим. Потому что знал, каково это — нуждаться в помощи и не иметь возможности попросить.

Она разложила документы по датам.

Первым шло медицинское заключение, сделанное за несколько месяцев до её рождения. Затем — копия свидетельства о рождении, где в графе «отец» стояло имя её отца. Дальше — какие-то справки, квитанции, выписки из банковского счёта.

Между ними лежали три письма.

Первое было адресовано матери. Второе — отцу. Третье не имело адресата.

Вера взяла первое.

Почерк был женским, незнакомым. Буквы наклонялись вправо, строки постепенно поднимались к верхнему краю листа. Письмо было коротким.

«Лена, я не знаю, как ты собираешься жить дальше. Но ты должна понимать, что ребёнок ни в чём не виноват. Не делай из него наказание для себя и не позволяй другим делать из него повод для жалости».

Ниже стояла подпись: «Надя».

Вера перечитала письмо.

Кто такая Надя?

Подруга матери? Родственница? Коллега?

Она не помнила ни одной Нади, которая была бы близка их семье. Возможно, мать упоминала её когда-то, но имя не оставило следа в памяти.

Вера перевернула лист.

На обратной стороне было написано:

«Я не могу приехать. Прости. Если Сергей вернётся, не позволяй ему снова решать за тебя».

Она отложила письмо.

Значит, Сергей ушёл. Надя знала об этом. И, судя по тону, считала, что Сергей уже однажды принимал решения за мать.

Вера взяла второй конверт.

На нём стояла дата, совпадавшая с месяцем её рождения.

Внутри лежало письмо от Сергея, адресованное отцу.

«Я не прошу тебя растить моего ребёнка. Я не прошу тебя прощать меня. Но если ты действительно собираешься жениться на Елене, ты должен знать, что я не смогу исчезнуть только потому, что вы оба так решили».

Вера перечитала первую строку.

Моего ребёнка.

Она почувствовала, как в груди что-то сжалось.

Сергей не просто знал о беременности. Он считал её своим ребёнком.

Тогда почему ушёл?

Почему не вернулся?

Почему позволил другому мужчине стать её отцом?

Вера положила письмо на стол и закрыла глаза.

Она пыталась представить себя маленькой девочкой, которая бежит по двору за мыльными пузырями, смеётся, падает на асфальт, зовёт папу. Она пыталась представить, что

однажды этот мужчина мог бы появиться в её жизни и сказать, что всё это время был где-то рядом.

Но никакого образа не возникало.

Был только незнакомец с фотографии.

И письмо, в котором он называл её своей.

Вера открыла третий конверт.

Он оказался пустым.

Только на внутренней стороне обложки отцовской рукой было написано:

«Не отправлено».

Вера нахмурилась.

Кому предназначалось письмо?

Она перевернула конверт, проверила края, заглянула внутрь. Ничего.

Потом заметила, что бумага на дне чуть толще, чем должна быть.

Вера осторожно провела ногтем по сгибу и обнаружила небольшой карман, сделанный из второго слоя бумаги. Внутри лежала узкая полоска с номером телефона.

Старый номер, без кода страны. Семь цифр.

Она не узнала его.

Рядом стояли инициалы: «С. М.».

Сергей?

Вера достала телефон и попыталась найти номер в старых контактах. Ничего. Потом открыла поисковик и стала перебирать варианты, добавляя к номеру код города.

Номер мог принадлежать кому угодно. Он мог давно не существовать. Мог быть домашним телефоном, который отключили ещё в девяностых.

Но Вера всё равно набрала его.

В трубке прозвучали короткие гудки.

Потом женский голос произнёс:

— Абонент временно недоступен.

Вера сбросила вызов.

Ей стало смешно.

Она сидела в комнате, где провела детство, звонила на номер, которому было больше тридцати лет, и надеялась, что кто-нибудь ответит и объяснит ей, кем она была до того, как научилась говорить.

Она положила телефон на стол.

Потом снова взяла его.

И набрала номер ещё раз.

На этот раз гудки были длиннее.

После шестого гудка кто-то снял трубку.

— Да?

Голос был мужским, хриплым, сонным.

Вера замерла.

— Аллю? — повторил мужчина.

Она открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

— Кто это?

Вера посмотрела на полоску бумаги.

«С. М.»

— Меня зовут Вера, — наконец сказала она.

На другом конце стало тихо.

Так тихо, что она сначала решила: связь оборвалась.

Потом мужчина спросил:

— Какая Вера?

Она сглотнула.

— Вера Соколова.

Собственную фамилию она произнесла автоматически. Так её звали всю жизнь. Так было написано в паспорте, в дипломе, в трудовой книжке, в свидетельстве о браке.

На другом конце снова замолчали.

Потом мужчина произнёс:

— Господи.

И Вера поняла, что он знает, кто она.

— Вы Сергей? — спросила она.

Мужчина тяжело выдохнул.

— Кто дал тебе этот номер?

— Я нашла его у отца.

— У какого отца?

Вера закрыла глаза.

Ей вдруг захотелось положить трубку. Не потому, что она боялась услышать ответ, а потому, что впервые за всю жизнь разговор с незнакомым человеком казался ей опаснее любой ссоры с матерью.

— У Виктора, — сказала она. — У Виктора Соколова.

Мужчина ничего не ответил.

Вера слышала только его дыхание.

Потом он произнёс:

— Он умер?

— Да.

— Когда?

— Четыре дня назад.

Сергей долго молчал.

А потом сказал то, чего Вера совершенно не ожидала:

— Я думал, он переживёт меня.

Она нахмурилась.

— Что?

— Ничего. Прости. Просто... я не знал, что он болел.

— Он не болел. По крайней мере, мы не знали о серьёзной болезни.

— Понятно.

Вера прижала телефон к уху.

— Мне нужно с вами встретиться.

— Зачем?

Вопрос был задан спокойно, без раздражения, но Вера вдруг почувствовала себя ребёнком, который просит незнакомого взрослого забрать его из школы.

— Я хочу знать правду.

Сергей усмехнулся.

— Правду о чём?

— О себе.

— Ты знаешь о себе достаточно.

Вера почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Нет. Не знаю. Я только вчера узнала, что человек, которого я считала отцом, не был моим биологическим отцом. Я нашла вашу фотографию, ваши письма. Я знаю, что вы были знакомы с моей матерью, что вы ушли, что вы не вернулись. И я хочу понять, почему.

Сергей молчал.

Вера продолжила:

— Я не прошу вас любить меня. Не прошу объяснять, почему вы не были рядом. Я просто хочу знать, что произошло.

— Ты думаешь, это поможет?

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Она задумалась.

Вопрос был простым, почти детским. Но впервые за последние сутки Вера почувствовала, что может ответить на него честно.

— Потому что я устала жить с чужими объяснениями.

Сергей ничего не сказал.

Она услышала, как он встал, прошёл по комнате, открыл какую-то дверь. Потом вернулся.

— Хорошо, — произнёс он. — Давай встретимся.

Вера закрыла глаза.

— Когда?

— Завтра.

— Где?

Он назвал адрес.

Вера записала его на обороте конверта.

— Я буду там в два часа, — сказала она.

— Не опаздывай.

— Хорошо.

Она уже собиралась отключиться, когда Сергей добавил:

— И ещё, Вера.

— Да?

— Не говори матери, что нашла меня.

Вера посмотрела на дверь своей комнаты.

За ней было тихо.

— Почему?

Сергей помолчал.

— Потому что она не знает, что я сохранил письма.

Связь оборвалась.

Вера ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

В комнате было светло. За окном начинался обычный осенний день, во дворе кто-то выгуливал собаку, на соседнем балконе женщина вытряхивала коврик. Ничего вокруг не изменилось.

Но Вера впервые за эти дни почувствовала, что её жизнь перестала быть историей, которую она пытается восстановить по чужим воспоминаниям.

Теперь у неё была возможность услышать ещё одну версию.

И она боялась, что эта версия окажется самой убедительной из всех.

В семь утра Вера пошла в душ.

Она долго стояла под горячей водой, пытаясь привести мысли в порядок. В голове крутились имена, даты, фразы из писем. Отец. Сергей. Мать. Андрей. Надя.

Все они знали что-то, чего не знала она.

Но почему?

Что такого произошло до её рождения, что люди решили посвятить десятилетия молчанию?

И почему отец, который так боялся потерять её любовь, в итоге оставил после себя папку, способную разрушить всё, что он пытался сохранить?

Вера выключила воду, вытерлась полотенцем и посмотрела на себя в зеркало.

Она выглядела старше своих лет. Под глазами появились тёмные круги, волосы спутались, губы потрескались от сухости. Она провела ладонью по лицу и вдруг вспомнила, как Андрей однажды сказал, что у неё отцовская привычка хмуриться, когда она пытается понять что-то сложное.

Тогда она рассмеялась и ответила, что это просто плохое зрение.

Теперь она не знала, чью привычку унаследовала.

Она оделась и вышла на кухню.

Мать сидела за столом. Перед ней стояла тарелка с бутербродами, рядом лежал телефон.

— Ты куда-то собираешься? — спросила она.

— Мне нужно кое-что сделать.

— Что именно?

Вера остановилась.

Она могла соврать. Сказать, что хочет прогуляться, купить продукты, зайти в аптеку. Но после всего, что произошло, лож казалась ей невыносимо тяжёлой.

— Я нашла номер Сергея.

Мать медленно подняла голову.

Несколько секунд она смотрела на дочь так, словно не поняла сказанного.

— Какого Сергея?

— Того, с фотографии.

Мать побледнела.

— Ты ему звонила?

— Да.

— И что он сказал?

Вера внимательно посмотрела на неё.

— Он согласился встретиться.

Мать отодвинула тарелку.

— Ты не должна туда идти.

— Почему?

— Потому что он не тот человек, каким ты его себе представляешь.

— Я вообще не представляю, какой он.

— И не нужно.

Вера почувствовала, что разговор возвращается к привычному кругу. Мать снова пыталась решить за неё, что ей можно знать, а что нет.

— Мам, я уже взрослая.

— Я знаю.

— Тогда перестань говорить мне, что я должна делать.

Мать резко встала.

— Я пытаюсь тебя защитить!

— От чего?

— От того, что ты не сможешь исправить!

Вера замолчала.

Мать тяжело дышала. Её руки дрожали, и она сжимала пальцы так сильно, что побелели костяшки.

— Ты думаешь, я не знаю, что ты чувствуешь? — спросила она. — Думаешь, мне легко смотреть на тебя и понимать, что ты можешь узнать всё, что я пыталась забыть? Ты можешь

ненавидеть меня, если хочешь. Можешь считать меня плохой матерью. Но не заставляй меня снова переживать то, что я пережила тогда.

Вера смотрела на неё и впервые видела, что за материнским раздражением скрывалось не только желание контролировать.

Там был страх.

Настоящий, глубокий, почти животный.

— Что произошло, мама? — тихо спросила она.

Мать отвернулась.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

Она не ответила.

Вера подошла ближе.

— Я не собираюсь тебя ненавидеть. Я просто хочу понять.

Мать посмотрела на неё.

И вдруг сказала:

— Тогда спроси у своего отца.

Вера замерла.

— У какого?

Мать прикрыла глаза.

— У Виктора. Он не всё рассказал тебе в той папке.

— Но он умер.

— Я знаю.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Тогда о чём ты говоришь?

Мать открыла глаза.

— О том, что твой отец оставил тебе не все письма.

Она подошла к шкафу, открыла верхнюю дверцу и достала небольшую жестяную коробку из-под печенья. Вера помнила её с детства: раньше там лежали пуговицы, нитки, старые батарейки и какие-то мелочи, которые отец обещал когда-нибудь разобрать.

Теперь коробка была закрыта на маленький замок.

Мать поставила её на стол.

— Он просил меня отдать это тебе, если ты когда-нибудь найдёшь Сергея.

Вера посмотрела на коробку.

— Почему ты не отдала её раньше?

Мать грустно улыбнулась.

— Потому что надеялась, что ты никогда его не найдёшь.

Она достала из кармана ключ и положила рядом.

Вера не сразу протянула руку.

Ей вдруг стало страшно открывать коробку. Не потому, что там могло оказаться что-то ужасное. А потому, что она начинала понимать: отец не просто скрывал прошлое.

Он готовился к тому дню, когда она его узнает.

И, возможно, именно поэтому оставил ей папку.

Чтобы она нашла не только правду.

Но и то, что он сам не смог сказать ей при жизни.

Вера взяла ключ.

— Что там? — спросила она.

Мать посмотрела на коробку.

— Последнее письмо твоего отца.

Она помолчала.

— И фотография, которую я надеялась никогда больше не увидеть.

Вера вставила ключ в замок.

Но прежде чем повернуть его, она посмотрела на мать и задала вопрос, который не давал ей покоя с самого начала:

— Ты когда-нибудь любила Виктора?

Мать долго молчала.

Потом ответила:

— Да.

И добавила:

— Но не так, как он меня.

Вера повернула ключ.

Замок щёлкнул.

Внутри лежал один конверт, перевязанный выцветшей красной лентой, и фотография, на которой были изображены три человека.

Виктор.

Елена.

И Сергей.

Они стояли возле родильного отделения.

На руках у Виктора был младенец.

А на обороте фотографии отцовским почерком было написано:

«В тот день я впервые понял, что могу потерять всё. И впервые решил, что не позволю этому случиться».

Вера долго смотрела на снимок.

Потом перевернула конверт.

На нём было написано её имя.

И дата — за два дня до смерти отца.

Она открыла письмо.

«Верочка, если ты читаешь это, значит, я не успел рассказать тебе всё сам.

Я не прошу тебя простить меня. Я прошу только об одном: прежде чем решишь, что я был хорошим человеком или плохим, узнай, что именно я сделал.

Потому что я любил тебя.

И именно поэтому совершил самую страшную ошибку в своей жизни».

Вера опустила письмо.

Мать стояла напротив, закрыв рот ладонью.

И впервые за всё время Вера поняла: они обе боятся одного и того же.

Не того, что правда окажется ужасной.

А того, что она окажется понятной.

Вера перечитала письмо ещё раз.

Потом ещё.

Ей казалось, что если достаточно долго смотреть на слова, они изменятся. Что между строк появится объяснение, которого не было в первый раз. Что отец вдруг перестанет быть человеком, который всю жизнь скрывал от неё правду, и снова станет тем, кто учил её кататься на велосипеде, приносил домой горячие сосиски в тесте и говорил, что бояться не стыдно, стыдно — позволять страху решать за тебя.

Но слова не менялись.

«Я любил тебя. И именно поэтому совершил самую страшную ошибку в своей жизни».

Вера положила письмо на стол.

— Что он сделал? — спросила она.

Мать стояла возле окна. За её спиной серело небо, по стеклу стекали тонкие струйки дождя.

— Я не знаю, что именно он написал тебе.

— Мам, ты только что сказала, что он оставил последнее письмо. Ты знала, что там будет?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что он совершил ошибку?

Мать обернулась.

— Потому что он говорил мне это перед смертью.

Вера замерла.

— Когда?

— За неделю до того, как его увезли в больницу.

— Его увозили в больницу?

Мать отвела взгляд.

— Один раз. Он никому не хотел говорить.

Вера почувствовала, как в голове начинают складываться отдельные фрагменты. Отец, который в последние месяцы почти перестал разговаривать. Его внезапная усталость. Звонки, на которые он отвечал всё реже. Последнее сообщение, полученное от него за три дня до смерти: «Как ты, доченька? Не забывай нормально есть».

Она тогда ответила фотографией ужина и смайликом.

Он поставил сердечко.

И всё.

— Почему ты не сказала мне, что он болел?

— Он просил не говорить.

— А ты, конечно, послушалась.

Мать вздрогнула.

— Вера...

— Нет, правда. Вы всю жизнь принимали решения за меня. Папа решал, что мне нужно знать, ты решала, что мне не нужно знать, Андрей решал, что мне будет легче без правды. Вы хоть понимаете, как это выглядит со стороны?

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь.

Вера сама слышала, как резко это прозвучало, но остановиться уже не могла.

— Я даже не знаю, что из моей жизни было настоящим. Я не знаю, почему ты вышла за папу, почему он согласился растить меня, почему Сергей исчез, почему Андрей оказался во всём этом замешан. Я не знаю, кто знал правду и когда. А вы все сидите передо мной и говорите, что любили меня.

Мать опустилась на стул.

— Мы действительно тебя любили.

— Тогда почему никто не доверял мне настолько, чтобы сказать правду?

Мать не ответила.

Вера отвернулась и посмотрела на фотографию.

Три человека возле родильного отделения. Молодые, почти незнакомые. Виктор держит ребёнка, Сергей стоит рядом с Еленой. Ни у кого нет улыбки, которую Вера могла бы принять за счастливую. Мать выглядит измученной. Сергей смотрит куда-то в сторону. А Виктор смотрит на ребёнка.

Не в объектив.

На ребёнка.

Вера приблизила фотографию к окну.

— Кто её сделал?

— Не помню, — сказала мать.

— Ты помнишь, что было в тот день?

— Конечно.

— Расскажи.

Мать долго смотрела на фотографию, словно пыталась узнать в молодых людях саму себя.

— Ты родилась утром. В шесть сорок. Я помню, потому что часы в палате отставали, а медсестра всё время говорила, что сейчас будет семь. Виктор приехал ближе к обеду. Он принёс мне цветы, которые я не любила, и пакет с едой. Я тогда ужасно хотела яблок, а он привёз апельсины. Я разозлилась на него, хотя он ни в чём не был виноват.

Она слабо улыбнулась.

— Потом пришёл Сергей.

Вера медленно опустила фотографию.

— Он был в больнице?

— Да.

— Ты сказала, что он ушёл.

— Он ушёл раньше. Но в тот день вернулся.

— Зачем?

Мать сжала руки.

— Чтобы увидеть тебя.

Вера почувствовала, что у неё пересохло во рту.

— Он держал меня на руках?

— Нет.

— Почему?

Мать посмотрела на неё.

— Потому что Виктор не позволил.

В комнате стало тихо.

Вера посмотрела на фотографию ещё раз.

— Но на снимке они стоят вместе.

— Да.

— Значит, они помирились?

— Нет.

— Тогда что произошло?

Мать провела ладонью по лицу.

— Они договорились.

Вера почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— О чём?

— О тебе.

Виктор узнал о беременности Елены на пятом месяце.

Не от неё.

От Сергея.

По крайней мере, так рассказывала сама Елена много лет спустя, когда однажды, после очередной ссоры, не выдержала и сказала мужу, что он не имеет права упрекать её в неблагодарности.

Тогда Виктор не ответил.

Он вообще редко отвечал, когда слышал что-то, что могло изменить его представление о собственной жизни. Он умел переживать чужую злость, как переживают плохую погоду: закрыть окна, проверить замки, поставить чайник и дожидаться, пока всё закончится.

Но в тот раз он не ушёл в другую комнату.

Он сел напротив жены и спросил:

— Ты собиралась мне рассказать?

Елена тогда была уже на шестом месяце беременности.

Она сказала, что собиралась. Что просто не знала, как. Что Сергей обещал вернуться, а потом перестал отвечать на звонки. Что она боялась остаться одна с ребёнком и не хотела втягивать Виктора в чужую историю.

Виктор слушал.

Потом спросил:

— Ты любишь его?

Елена заплакала.

И он понял ответ.

Позже она говорила, что никогда не забудет его лицо в тот вечер. Не потому, что он кричал или обвинял её. Наоборот, он был удивительно спокоен. Спросил, хочет ли она чаю, убрал со стола тарелки, закрыл форточку, потому что тянуло холодом.

А потом сказал:

— Я не буду заставлять тебя оставаться со мной.

Елена тогда впервые посмотрела на него с настоящим ужасом.

Она ожидала скандала. Ожидала, что он назовёт её лгуньей, выгонит из квартиры, потребует вернуть деньги, которые потратил на свадьбу. Она была готова защищаться, оправдываться, даже ненавидеть его в ответ.

Но он не дал ей возможности стать жертвой.

Он просто оставил решение за ней.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— Тогда не решай сегодня.

Он лёг спать в гостиной.

Утром приготовил завтрак.

Через три дня Сергей позвонил.

Он не просил прощения. Не объяснял, почему исчез. Сказал, что уезжает в другой город, что не готов быть отцом и что Елена должна сама решить, как ей жить дальше.

Она слушала его, сидя на полу в ванной, чтобы Виктор не услышал разговор.

Когда Сергей отключился, она долго не могла подняться.

Потом вышла на кухню и сказала мужу:

— Он не вернётся.

Виктор посмотрел на неё.

— Я понял.

— Я не знаю, что мне делать.

Он выключил плиту.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

Елена заплакала.

Она не ответила словами. Просто подошла к нему и обняла, впервые за несколько месяцев сама, без просьбы, без ожидания, что он сделает что-то ещё.

Виктор обнял её в ответ.

И в тот момент решил, что будет растить ребёнка как своего.

Не потому, что Елена его попросила.

Не потому, что хотел получить за это благодарность.

Он просто любил её.

И, возможно, именно в этом заключалась его первая ошибка.

Не в том, что он согласился стать отцом чужого ребёнка.

А в том, что решил: если он будет любить достаточно сильно, то однажды сможет заменить собой всё, что Елена потеряла.

— Он действительно не позволял Сергею держать меня на руках? — спросила Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.